

БЕРЕГИТЕСЬ, ТЕТЯ АДЕЛАИДА!

Флора Торн

Убийство в английской деревушке

Флора Торн Флора Торн

Берегитесь, тетя Аделаида!

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Флора Торн Ф.

Берегитесь, тетя Аделаида! / Ф. Флора Торн — «Эксмо»,
2026 — (Убийство в английской деревушке)

ISBN 978-5-04-250984-1

Аделаида Уотерхейм - уважаемая дама с безупречными клумбами и толпой поклонников ее «цветочных» детективов. Но когда умирает ее сосед, известный селекционер, она не торопится вмешиваться, ей нужно срочно дописать роман, чтобы обойти конкурентку. Зато охотно вмешивается ее безответственный племянник Герхард, приехавший к тете отдохнуть. За время расследования они случайно открывают загадки послевоенной Англии и чудом избегают неприятностей. Добро пожаловать в уединенный Литтл-Милфорд, здесь каждый шаг по газону может привести к раскрытию убийства.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250984-1

© Флора Торн Ф., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Женский клуб «Лаванда и перо»	7
Глава 2. Завтрак с видом на скандал	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Флора Торн

Берегитесь, тетя Аделаида!

© Торн Ф., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Предисловие

Англия конца сороковых и начала пятидесятих годов была страной, где из руин восстанавливали не только кирпичные стены, но и удивительное героическое терпение ее жителей. К 1948 году Лондон уже не горел, но еще не сиял. Улицы сохраняли запахи копоти и бензина, по закоулкам бродили тени погибших со времен «Блица», а рacionamento стало невидимым дирижером британского быта: хлеб выдавался по нормам, куриные яйца напоминали о довоенной роскоши. Кофе был экзотикой. По тому, что человек пил растворимый Camp Coffee в бутылке с колониальной этикеткой, можно было определить, что он недавно вернулся из-за границы или же имеет крайне прогрессивные взгляды, если променял на это традиционный английский чай.

Нехватка еды объединила всех англичан под лозунгом Dig for Victory – «Копай ради победы». Тенистые сады и клумбы колледжей превратились в фермерские поля. Даже газоны Оксфорда засаживались капустой и горохом. То была практически сюрреалистическая овощная картина кисти Джузеппе Арчимбольдо. Многовековой Оксфорд пытался балансировать между прежним величием и новыми порядками, и в ту пору только самые настойчивые духом и жадные до знаний могли перенести скудные условия размещения. За готическими арками скрывались не только стихи Милтона, но и сквозняки и овсянка без масла. Студенты ходили в шерстяных гетрах и пальто, топили камины в помещениях. В коридорах можно было встретить пижонов, ученых-французов, американцев и беженцев.

Но серый дым вылетал из студенческих общежитий и летел по стране дальше, по пути растворяясь в воздухе, пропитанном цветочными букетами оранжерей. Тьма не существовала без света. Послевоенные годы стали удивительным временем ботанического энтузиазма. Побег растений стали символом тяги к возрождению прежней жизни. Деревенские ярмарки становились местом народной любви и правом представить любимые георгины. Ботанические выставки в Лондоне собирали толпы равнодушных, как раньше скачки или танцы. Пожалуй, это был тот срез времени, когда Англия решала для себя, в какую сторону ей двигаться: держаться за викторианскую стойкость или идти за модернистской мечтой. Уже фантазировали о нейлоне, тайком читали американские журналы, и, судя по воцарившимся мелодиям The Beatles, мини-юбкам и экспериментам с сознанием, Англия, кажется, выбрала второе. Но пройдет еще целое десятилетие, прежде чем на поверхность Кингс-Роуд выплывет желтая подводная лодка, а Мэри Куант изобретет оружие массового освобождения.

Пятидесятые постепенно укрепляли дух свободы: через тедди-боев, дерущихся с морскими пехотинцами и презирающих сдержанность монархии; со сдвигами в литературе «Сердитых молодых людей» вроде Джона Осборна и Алана Силлитоу – детей рабочих, которым наскучил английский снобизм. Но пока еще можно было насладиться традиционной Англией, где в маленьких деревнях с одним пабом и двумя улицами спорили, можно ли повесить в читальне новый портрет королевы и пересаживать герань в августе. У булочницы были свои взгляды на приходского vicar, у vicar были свои догадки о том, кто вытаптывает клумбы у библиотеки. Однако все это никоим образом не нарушало сложившийся общественный порядок, основанный на традициях и репутации. Поэтому репутации спасали, рискуя жизнями и бессовестно пуская ложь в глаза. Автобус свингующего Лондона укатился в будущее, но жители до сих пор предпочитают пить чай в фарфоровых чашках и не отказываться от сбережения электричества, а значит, Англия, как и положено острову, выбрала оба берега. И если вы приедете в отдаленные уголки королевства, то можете насладиться жизнью, подобной той, что идет в вымышленном Литтл-Милфорде. Здесь вовсе не против прогресса, просто пусть он сначала покажет себя как следует где-нибудь в Лондоне.

Глава 1. Женский клуб «Лаванда и перо»

В помещении, где заседал женский клуб «Лаванда и перо», то и дело раздавались кокетливый шепот и смешки. Их можно было ожидать от дам помоложе, но собравшимся читательницам, как и Аделаиде, было уже порядком за сорок. Как только шляпки склонялись друг к другу, до уха Аделаиды доносилась очередная острота про «смертельные розы». Она посильнее вдавила ручку в бумагу и каллиграфическим почерком вывела: *«С наилучшими пожеланиями от Аделаиды Уотерхейм»*.

– Не увлекайтесь сортом «памяти доктора Жамена», мистер Кроуфорд. – Едва взгляд упал на обложку с бутонами в брызгах крови, у Аделаиды вырвался вымученный смешок. – Как видите, он бывает опасен.

– Я предпочитаю чайный гибрид Pease¹. – Пожилой джентльмен сердечно поднес к груди шляпу. – Хотя это и не совсем патриотично. Для моей жены Элейн, – добавил он. – Сама она прийти уже не может.

Лицо Аделаиды смягчилось.

– Мы все предпочитаем мир, мистер Кроуфорд, – улыбнулась она. – Так что вы не меньший патриот, чем я.

Под первой строкой Аделаида добавила несколько личных пожеланий для Элейн и протянула книгу. Затем взяла следующий экземпляр. Подумать только, даже черенки французской розы прятались от нападков войны в Италии и Турции, чтобы, когда придет время, прорасти любопытными лицами сквозь маску фашизма. К счастью, садовод Меян предвидел вторжение во Францию и отправил свое детище к друзьям. Аделаида меланхолично покачала головой. Может, в этом и крылся знак, что с миром еще не кончено, если новым розам судьба благоволила спастись и расцвести в уголках самых разных стран.

Аделаида раздраженно постучала пальцами по столу. Она-то превратила цветы в орудия убийства. И собственное факсимиле. И с двусмысленностью в этот раз явно переборщила. Назвала наследницу Арджентов Розой, еще и оставила возле ее тела алый букет. Неудивительно, что читатели почувствовали некоторое удушье. Аделаида мысленно выразила надежду на то, что Элейн Кроуфорд не страдает чем-то вроде астмы.

С легким чувством вины она занесла ручку, но в уютный аромат ванили, липового чая и старого картона вдруг ворвался бриз узнаваемых духов фирмы Bourjois. Аделаида с досадой повела носом и уткнулась в витиеватое заглавие «Последняя роза из Брамблхолла».

– Аделаида! – голос, пропитанный Soir de Paris, настойчиво вытянул ее обратно. – Моя дорогая! Неужели это та самая миссис Уотерхейм, которая написала роман «Белая лилия, черный яд»? Ведь я еще говорила Мюриэл: «Не может быть, чтобы наша Аделаида писала о ядах!»

Женщина присмотрелась к стопке свеженапечатанных изданий.

– И все еще пишешь про трупы в розах? Помню, как твоя мама рассказывала: «Наша Адди нашла с утра выпавшего птенца, похоронила его в розовых кустах! Прелесть что за дитя написала ему эпитафию».

– Все еще любишь экзотические украшения, Вайолет? – Аделаида не намеревалась вспоминать истории из своего детства, случившиеся, как сейчас казалось, в Викторианскую эпоху. С намеком на улыбку она уточнила: – Это винтаж?

– Семейная реликвия. – Вайолет Креншоу, великовозрастная дама, похожая на раритетную сахарницу, довольно поджала губы и погладила золотистую брошь в форме ананаса.

– И что Мюриэл сказала о ядах?

¹ Мир (англ.).

– «Цветы – это вздор! Настоящий яд нужно подавать в фарфоровой чашке, с комплиментом на краешке», – стыдливо хихикнула Вайолет.

– Что ж... – Аделаида откинулась на спинку стула, заметив, что очереди за книгами больше нет. – Мюриэл всегда была большим знатоком, чем я. Она могла бы заработать состояние. Подозреваю, внутри нее растет аконит.

– Ах, Аделаида! – Вайолет всплеснула руками – Мюриэл до сих пор уверена, что ее старый садовник был агентом британской разведки! И только потому, что однажды он пришел без калош! И, кстати, ты знала, что Генри и Агата, те самые, с пуделем и вычурной крышей, вновь переехали? На этот раз к родственникам в Бат! Якобы на время, но ты же знаешь, если Агата говорит «временно», это значит «навсегда» или «пока кто-нибудь не умрет и не оставит им наследство».

Аделаида ослабила шейный платок и не спеша посмотрела на пейзажи Кента за окном. Отсюда просматривались дачные домики вдоль железной дороги от Ашфорда до Кентберри, в заросших полях яблонь и слив. На заборах сушилось парусниками белье. Прямо перед витриной две женщины в выцветших платьях, пытаясь удержать на руках детей, живо болтали, а на противоположной улице подростки пытались продать прохожим корзины с клубникой, которая, должно быть, еще распространяла запах мятной травы. Одна из женщин наклонилась поправить чулок, и Аделаида заметила, что его удерживает прищепка.

– Нет, не слышала. – Она повернулась обратно. – Не все новости нашей многочисленной родни доходят до Суррея.

В душе Аделаида не преминула добавить: «К счастью».

– Какая жалость! – неверно истолковала ее слова Вайолет. – Такие маленькие расстояния, и так долго идут телеграммы! Хорошо, что ты встретила меня...

Вайолет Креншоу принялась рассказывать последние новости их общей родни в Йоркшире, но Аделаида слушала вполуха. Ее родственница принадлежала к последнему редуту традиций – дамам, которые почитывали за завтраком в саду журналы, не снимая перчаток, и верили, что мир спасут хорошее образование, прямая походка и серебряные ложки. Конечно же, сразу, как только в магазины вернут лимоны. Она мельком взглянула на столик с чаепитием. Для полноты картины среди пожилых жен докторов и вдов там не хватало пуделя с бантом. Аделаида усмехнулась: она могла бы увековечить эту компанию в своем новом романе, если бы была чуточку отважнее. И менее воспитанной.

– А ты все еще возглавляешь клуб? – Аделаида кивнула на столик, за которым дамы, получившие желанные автографы, обсуждали книгу.

Она надеялась, что книгу, а не оказавшееся поводом для бульварных насмешек название. Не стоило ей рассуждать категорично, ведь и к ней на колени запрыгнул тот самый «пудель». Литературная публика посчитала, что Аделаида Уотерхейм щедро осыпала своих читателей тривиальными розовыми лепестками, а дерзкая и прогрессивная молодежь успела поменять название на «Последнюю занозу из Брамблхолла».

– Ну конечно! Я же секретарь художественной комиссии. – Вайолет выпятила грудь. – Впрочем, Герхард, я слышала, направляется к тебе в Литтл-Милфорд. Он тебе все расскажет.

– Герхард? – Прекрасно сохранившееся суровое лицо Аделаиды не изменило выражения. – Должно быть, ты что-то путаешь, Вайолет.

– О нет! Разве ты не слышала? Нелл Уинтер недавно рассталась с ним. – Миссис Креншоу округлила глаза. – Да еще эта неудачная стажировка в министерстве сельского хозяйства. Подумать только, такая кроткая птичка, как Нелл, не смогла выдержать нашего Герхарда и сбежала с каким-то сыном фабриканта. – Ее голос опустился до шепота: – Я слышала, его отец сколотил состояние во время войны, вот же... В общем, Герхард сейчас не в бодром расположении духа. – Вайолет склонилась, накрыв Аделаиду облаком «Вечера в Париже». – Если не сказать в раздрае. Поехал залечивать раны к любимой тете.

Аделаида выпуталась из душного индольного аромата и от неожиданности чуть было не спросила, кто эта тетя. Она потуже затянула платок на шее и расправила твидовый костюм.

– В таком случае, – с вежливой улыбкой сказала Аделаида, побросав вещи в сумку, – мне следует поспешить обратно в Суррей и успеть принять Герхарда на чай.

– О, я думаю, он останется не только на чай, – заверила Вайолет.

– Не только? – Аделаида остановилась, вспомнив миссис Агату и ее мужа Генри, заехавших «на недельку» в Бат.

– Ты ведь не бросишь племянника в такое сложное для него время, Аделаида? – с трагичным видом удивилась Вайолет. – К тому же твои цветочные детективы продаются у нас, как булочки миссис Блай в пасхальное утро. Все-таки Кент – это сад Англии, – она горделиво усмехнулась, – разве что за исключением последней...

– Окажу племяннику посильную помощь. – Больше не улыбаясь, Аделаида взглянула на непроданную стопку «Последних роз». К сожалению, они были далеко не последними. – Мне действительно пора ехать.

– Да, позаботься о Герхарде! – слезно напутствовала Вайолет. – Уверена, такой презентабельный молодой человек произведет впечатление в деревне. Особенно на тех, у кого дочери на выданье. И возвращайся к нам с новым романом! Мы в клубе гадаем, – Вайолет вновь нескромно захихикала и обернулась на столик, – остались ли еще в садах Британии не смертельно опасные цветы.

– Непременно. – Аделаида подхватила дорожный плащ, пытаясь мысленно пристроить название «Задущенный фиалками» хоть к какому-нибудь сюжету. – Передавай сердечный привет Мюриэл!

В холле к ней тут же подскочил помощник, отправленный издательством.

– Мистер Грейвз будет недоволен, что вы ушли раньше времени...

– Ты видишь в очереди страждущие лица, Кроув? – прервала его Аделаида. – Если да, то вызывай, пожалуйста, спирита.

– Но миссис Аделаида!

– И еще. – Аделаида повернулась и угрожающе зависла над юным помощником. – Мое пожелание для мистера Грейвза: в следующий раз на публичные выступления мы поедем в более удаленные места.

– Вы имеете в виду Ист Сассекс? – Кроув сделал пометку. – Хотите посетить Родмелл? – Он на секунду задумался. – Вы могли бы прочесть там «Шепот кувшинок».

– Что-нибудь более далекое, чем Ист Сассекс! – Аделаида помахала на прощание. – К примеру, Франция! Там у меня, кажется, еще нет родственников.

Аделаида Уотерхейм прославилась цветочными детективами в возрасте, когда ей уже пора было отмечать половину века, так что внимание публики и писательские туры не вызывали у нее ничего, кроме усталости и скуки. Все, о чем она мечтала, – это поскорее вернуться домой к своим растениям. В выборе гардероба и в выборе хобби Аделаида была истовой англичанкой.

Детективы она начала писать в молодости. Готическое настроение, как верно заметила Вайолет Креншоу, поселилось в ней на границе детства и юности, но острую необходимость продать рукописи Аделаида ощутила только после смерти мужа. Не от бедности, а от печального желания занять образовавшуюся пустоту. Но пока книги пытались завоевать внимание читателей, Аделаида нашла отдушину в таком простом деле, как садоводство, и ошеломительный успех, свалившийся ей на голову, начал становиться препятствием на пути к успокаивающим сорнякам.

С наступлением войны Аделаида, как и вся Англия, замерла в тревожном ожидании развязки своей судьбы, но, как только со страны спали оковы ужаса и начало таять оледенение, охватившее английские души, люди обнаружили потребность в спешном приближении весны.

В этом-то и помогли цветочные детективы. Смахнув пыль и сажу складов с переплетов, книги вернулись на полки. После второй волны популярности издатель Аделаиды, Морис Грейвз, конечно же, развернул вокруг романов обширную кампанию. Цветы должны были зацвести по расписанию, систематически кого-то убивать и отправляться на покой до следующего года.

Первое время Аделаида наблюдала за успехом с отчужденным отвращением. Казалось, англичане, привыкшие видеть вокруг себя ежедневные убийства, всего лишь извращенно подерживают утомительную привычку, но Морис убеждал ее, что такова суть национального лечения. Роман «Белая лилия, черный яд» побил все возможные рекорды страны, и когда на Аделаиду обрушился ворох открыток не только от преданных поклонников, но и от дальних и близких родственников, она без сожалений сменила дорогую квартиру, оставшуюся от дедушки-магната в Лондоне, на загородный – впрочем, оттого не менее дорогой – особняк в Суррее, куда сейчас и направлялась скорым поездом, предвкушая воссоединение с любимым садом.

Герхард Уотерхейм вышел из купе первого класса, бледный от долгой поездки. Сначала он пытался читать, затем вздремнуть, затем завести беседу с посетителями ресторана, но те откровенно не желали его слушать, с энтузиазмом перебивая друг друга в споре.

– Да-да, только редкие виды растений!

– Мой ладанник очень редкий!

– Все потому, что он цветет у тебя раз в год, Милли!

– Мне пришлось засушить для него половину теплицы!

– Тебе придется придумать что-то другое, такую заявку не возьмут!

Герхард понял, что ему не удастся вклиниться в беседу, и отвернулся к чашке чая.

– А вы тоже из клуба садоводов? – окликнул его представительный джентльмен в отутюженной рубашке и шляпе, к досаде Герхарда, баснословно дорогой.

– Садоводов? О нет, я в жизни не вырастил ни одного растения.

– Редкость для англичанина, – усмехнулся мужчина. – Но не переживайте, я не донесу на вас в Министерство сельского хозяйства.

При слове «министерство» лицо Герхарда приобрело странный оттенок.

– Уж будьте любезны, – пробубнил он. – А что, об этом они толкуют? – Герхард кивнул в сторону спорщиков.

– О да. – Мужчина с улыбкой расправил газету. – Вот, взгляните.

– *«Приглашаем всех садоводов принять участие... – прочел Герхард. – Особый приз – золотая медаль Королевского общества за открытия в ботанике. Конкурс проводится под покровительством леди Эгрет. Особое внимание – редким сортам фуксий, бегоний и флоксов. Прием заявок до 15 июля...»* Так вот из-за чего вся суета.

– К счастью, они так заняты, что вас не слышат, – радовался джентльмен. – Обозвать золотую медаль от Королевского общества суетой... – Он склонил голову. – Раньше убивали и за меньшее. Каждый уважающий садовод мечтает ею обладать. Только представьте: слава среди коллег, награждение самой леди Эгрет, патока разливается в прессе, фото на первой полосе... А какие открываются двери!

– *Lathyrus odoratus* уж точно не получит эту медаль, Милли!

– Видите? – Джентльмен заговорщически склонился. – Даже профессора не так помешаны на латыни.

– Бросьте! – Герхард сердито вскинул голову. – Еще недавно медали получали на войне. Вот это был повод для гордости!

– Вы воевали? – Мужчина посмотрел на него пристальнее.

– Нет. – Герхард с чувством отхлебнул чая; вкус ему совсем не понравился, недостаточно горчил. – Были люди и получше меня.

– Я вам сочувствую. – Джентльмен свернул газету и встал, похлопав Герхарда по плечу. – Мы все в этой войне кого-то потеряли. – Он бросил взгляд на любителей ботаники. – Неплохо было бы вырастить на опустевшем поле сад.

Мужчина вышел, а Герхард бросил отчаянный взгляд на часы. Было еще лишь около полудня, а казалось, он выехал из Лондона вечность назад. Когда поезд прибыл на вокзал в Гилфорде, Герхард имел совершенно жалкий вид и еще более жалостливое выражение лица, так что его долго не хотели пускать в такси, опасаясь, что пассажиру будет нечем заплатить. В расстегнутой жилетке, мятой рубашке, поддерживая багаж, Герхард вполз в кабину и назвал адрес тетиного жилища в Литтл-Милфорде. Ко времени прибытия к особняку Аделаиды Уотерхейм он вполне мог замаскировать свое лицо в салатово-зеленых клумбах ее пышного сада.

Добравшись Герхард в потемках. Уютно устроившись на заднем сиденье, во сне он все еще пребывал в объятиях Нелл, пока его не растолкал водитель. Забрав чемодан, Герхард прошел по вымощенной дорожке и с деловитым видом огляделся. Он не удосужился отправить письмо о своем приезде, надеясь, что тетя безвылазно сидит в особняке, но в окнах не горел свет, и настроение Герхарда готово было упасть на дно, как камень, брошенный с белого утеса Дердл-Дор.

– О! – радостно воскликнул он, заметив в кустах гортензии согнутую фигуру. – Добрый вечер! Мисс... миссис... Скажите, где бы я мог найти хозяйку дома? Миссис Аделаиду Уотерхейм?

Женщина обернулась, и на Герхарда посмотрело знакомое лицо со строгими скулами, поджатыми губами и выражением, которое в юности он считал заносчивым, а теперь, и тем более теперь, после своей ошибки, воспринял с нежной опаской.

– Тетя Аделаида! – Герхард раскинул руки. – Я так рад вас видеть! Вы совершенно не изменились!

Аделаида выпрямилась, убрала в карман ножницы и окинула племянника пристальным взглядом.

– Могу сказать о тебе то же.

Герхард был уже не в том оптимистичном расположении духа, чтобы принять подобные слова за комплимент. Бочком, стараясь не наступать на газон, он протиснулся к крыльцу.

В гостиной со времен его юности мало что изменилось. Та же репродукция с прудом и лилиями над камином, тот же чайный столик, сервированный фарфором. Обои, естественно, выцвели от времени, как и шторы, в которых прятался маленький Герхард, играя в прятки с дворецким. Взрослый Герхард прошелся вдоль книжных шкафов, бегло читая заголовки: женские романы начала века, брошюры по ботанике, коллекция детективов самой Аделаиды с кричащими цветочными обложками и ни одного томика поэзии. Герхард пренебрежительно провел пальцами по корешкам. Не зря он всегда считал литературный вкус тети пошловатым.

– Imperial Good Companion? – Он указал на письменный стол со стопкой нераспечатанных писем. – Неплохая машинка, но я бы на вашем месте перешел на Remington. Вы бы печатали на ней гораздо быстрее. Легкая и компактная, почти как походный чайник...

– И американская, – прервала его Аделаида. – Тебя поэтому попросили покинуть министерство? Тоже предложил перейти на импорт сельскому хозяйству Англии?

– Разве я мог предвидеть, что размещение канадских доильных аппаратов на обложке брошюры, – ответил Герхард, – будет рассмотрено как угроза национальному производству?

– Особенно на фоне лозунга «Вперед, английская корова!» – с негодованием воскликнула Аделаида. – Ты слишком мечтателен.

– Я нарвался на патриотический отпор! – защищался Герхард. – Вот такие товары, как ваш Imperial, – он в защитном жесте выставил палец, – и приучают людей к жестокости. Да она же своим имперским кулаком печатает, как фабричный штемпель по жестянкам! Нет ничего зорного в помощи Содружества! Вы бы видели товары из Канады...

– Что привело тебя в Литтл-Милфорд, Герхард? – Аделаида его проигнорировала. – И, если быть точнее, сюда, в «Клеверли»?

– Я устал от жизни, тетя! – патетически заявил Герхард, скидывая в кресло плащ и приземляясь следом. – Мистер Доннели, одну порцию виски, пожалуйста!

– Это твой багаж? – Аделаида на ходу подвинула кожаный чемоданчик, потертый и крошащийся, как осадок красного вина. – Ощущение, что ты таскаешь его с университетских лет. – Она церемонно вытащила из-под плаща шотландский плед. – Ты занял мое кресло. И в этом доме нет прислуги, Герхард, это портит характер. Сходи и принеси себе виски сам.

– Тетя Аделаида, я совершенно разбит! – стонал Герхард, вытянув длинные ноги. – Вы не представляете, как далеко вы забрались от Лондона!

– Очень даже представляю. Я специально приобрела этот дом подальше от городской суеты. На этот раз я принесу тебе виски, раз ты и так принял меня за прислугу. – Она подчеркнуто любезно пододвинула к нему столик. – Сможешь во всей полноте прочувствовать, что такое английское гостеприимство.

– Я знаю, на что вы намекаете, тетя! – выкрикнул вслед Герхард, свесившись из кресла. – Но мой троюродный дядя был отнюдь не ирландец!

Аделаида вернулась с двумя бокалами и присела напротив.

– Что случилось в министерстве?

– Бюрократические проволочки. – Герхард тут же отхлебнул порцию односолодового и закусил аптечным леденцом. – Вечные споры этой жующей машины.

– А Нелл?

– Сбежала с проходимцем! Ей, видите ли, не столь близок сердцу Байрон, сколь паруса зашедшего в Лондон корабля, в которые дует теперь легкомысленный ветер из ее головы!

– Тебя это сильно оскорбило. – Аделаида говорила утвердительно. – И ты решил скрыться подальше от позора в «Клеверли»? – Она покачала бокал, размышляя.

– Да. И да и нет, – неуверенно ответил Герхард. – Отец всегда спрашивал вашего совета, и я решил, что он чего-то стоит. Раз его самого с нами больше нет, чтобы посоветовать мне заняться приличным делом. – Печаль в голосе Герхарда смешалась с раздражением. – Что мне теперь делать?

Глаза у него увлажнились, но Аделаида не купилась на этот трюк, только стала еще более задумчивой и угрюмой, вспоминая своего брата, Лео Уотерхейма. Он умер от заражения крови почти перед окончанием войны.

– Ложись спать, – ответила наконец она, поднимаясь на ноги. – Тебе нужно отдохнуть.

Герхард кивнул, явно не собираясь готовиться ко сну. Он пристально посмотрел на бокал, вспоминая все неудачи, заставившие его покинуть Лондон.

В дверях Аделаида повернулась, скользнув уже более мягким взглядом по фигуре племянника.

– Отец бы гордился тобой. Несмотря ни на что.

Герхард кивнул, на этот раз менее обреченно.

Глава 2. Завтрак с видом на скандал

Утро в «Клеверли» всегда начиналось одинаково, особенно летом. Радио пело что-то скрипуче-успокаивающее из угла кухни, а лучи солнца, пробиваясь через широкие окна на подоконник с геранями, падали на старое поцарапанное дерево пола.

Аделаида вышла к завтраку в отличном настроении. Она очень любила утреннюю часть дня и свою заведенную рутину. К счастью, воспитание Герхарда еще оставляло в нем приверженность традициям. Слегка помятый от выпитого на ночь виски, он заканчивал с фасолью, помидорами, мармеладом и тостами, закрывшись от лучей солнца благоухающей типографской краской газетой местной редакции The County Chronicle. Аделаида заметила, что Герхард вновь занял ее место, и теперь ей придется смотреть на розовые кусты через его взлохмаченную макушку. И этот вид – впрочем, скорее провинившиеся розы, чем племянник, – всерьез намеревался испортить ей утро.

– Что пишут? – Аделаида взяла банку с чаем.

– В Париже протестуют пекари. В Лондоне ожидают делегацию из Турции. С учетом задержки новостей в вашу глушь, – раздалось бормотание, – она могла уже и доехать. Из местного... – Герхард шумно перелистнул страницу. – Лорд Уинтертон заявил на заседании приходского совета, что не поддерживает идею прокладки автобусной линии через Скаллинг-Хилл. Некие Коллиеры ищут гувернантку со знанием латыни и приличным почерком. Во вчерашнем забеге в Бате победил Gallant Lad с преимуществом в полкорпуса, и ваш сосед, мистер Эшпертон, сегодня утром найден мертвым.

– Эшпертон? – Аделаида замерла с банкой на полпути. – Артур Эшпертон? И об этом уже успели напечатать?

– Нет. – Герхард беспечно сложил газету и принялся за кекс. – Об этом рассказал молочник. Его обнаружила миссис... кажется, Пинс или Пинч... Она подняла шум на всю округу. – Герхард присмотрелся к тете. – Вы не выглядите расстроенной.

– Безусловно, эта новость ужасна. – Аделаида поставила чайник. – Артур писал очень полезные брошюры. – Она задумчиво перемешала ложкой плавающие чаинки. – Да, это большая потеря для английской ботаники.

– Хотите сходить на место преступления? – Герхард встрепенулся. – Держу пари, вам не терпится приняться за расследование.

– С чего бы это? – Ложка звякнула о край фарфора.

– Вы ведь пишете детективы, тетя, – с хитрой улыбкой пожурил ее Герхард.

– Я пишу их, – сухо ответила Аделаида, – что вовсе не означает, что я их читаю. – Чашка с чопорным звоном стукнулась о блюдо. – Или тем более что-то расследую.

– И вам не интересно, что же произошло?

– У меня на сегодня много дел.

– Новый детектив? – любопытничал Герхард. – У него уже есть название?

– Я собираюсь, – Аделаида с невыносимым скрипом отодвинула стул, – наконец-то заняться своими клумбами.

– А, – в голосе у Герхарда утонуло разочарование, – ну что ж, а я, пожалуй, прогуляюсь. Посмотрю, что же случилось с беднягой.

– Что его убило?

– Убило?

– Ты сказал, это место преступления. Полиция нашла орудие убийства?

Герхард почесал за ухом.

– По правде говоря, вашего соседа просто нашли лежащим в теплице.

С лица Аделаиды исчезло заинтересованное выражение.

– Это не очень оригинально для семидесяти лет.

– Жаль. – На секунду Герхард застыл в дверях и протянул: – Заурядная смерть по соседству с королевой детективов была бы недопустимой тратой потенциала.

Даже спустя минуту после его ухода Аделаида не двигалась с места, опасаясь, что с возвращением в действительность ей придется признать, что в душу ее племянника проник беспринципный издательский дух Мориса Грейвза.

Минут через десять неспешного шага Герхард подошел к калитке сада мистера Артура Эшпертона. «Теперь уже бывшего сада», – с некоторой мрачностью подумал он, с опаской взирая по сторонам, хотя в обстановке ничего мрачного не было. Светило полуденное солнце, повсюду пели соловьи. Ничего примечательного в саду Герхард тоже не нашел, хотя надеялся попасть в буйство тропических зарослей и экзотических сортов, о которых никогда не слышал. Однако он бы не признал и лекарственную ромашку, если бы столкнулся с ней нос к носу. Сад напомнил Герхарду ученый справочник с кучей закладок, какие ему приходилось штудировать в Оксфорде во время экзаменов, только разбитый на квадранты. Из педантичных грядок торчали металлические таблички с латинскими названиями и датой пересадок. В конце дорожки в молодых саженцах он наконец нашел толику экзотики – но китайские пионы и перуанские лилии в зачаточном состоянии не производили никакого впечатления. По соседству с ними стояла каменная скамья, покрытая мхом, а рядом рос единственный розовый куст. Герхард склонился к бутонам и, увидев в проеме между стеной и домом толпу садоводов возле теплицы, азартно улыбнулся.

– Так вот где происходит все самое интересное!

Соседи мистера Эшпертона с печальным видом стояли у большой викторианской теплицы с коваными розетками на фронтоне и бронзовой патиной на крыше. Герхард затесался среди них и бросил подачу в пустоту:

– Такая нелепая смерть...

Его бросок тут же подхватил дородный мужчина, сминающий летнюю шляпу.

– Вот уж правда. Разгар летнего сезона, и такое несчастье! То есть, – замялся он, покраснев, – так жаль Артура. Лежал тут, бедный, на жаре. Она, наверное, его и доконала, а то вдруг бы спасли... Я прибежал, как только услышал... Приоткрыли дверь, а там... Было слишком поздно.

– А кто его нашел?

– Миссис Пинч, она вон там. – Мужчина указал на миниатюрную даму, не по сезону закутанную в шали. – Бедный Артур...

– А как же теперь с конкурсом-то быть? – Двое пожилых соседей переглядывались с несчастным видом, поглядывая на теплицу.

Герхард двинулся к более интересному свидетелю и вскоре уже выражал сочувствие потрясенной миссис Пинч. Как выяснилось, это соседи оказали ей первую помощь, вручив чашку чая и закутав, как будто у нее был шок от купания в Темзе. И без того загорелое лицо миссис Пинч покраснелось до оттенка гибискуса.

– Вчера Артур пообещал мне кое-какие семена, – всхлипывала она. – Конечно, он мог и передумать, так что я не хотела навязываться, но утром он не вышел поливать сад. Видите ли, – она уверенно повернулась к Герхарду, – в семь утра он всегда выходил поливать астильбы. Они вон там. – Она указала дрожащей рукой. – На такой жаре мы стараемся поливать с самого утра. Так что я могла видеть его ежедневно из окна кухни за завтраком. Это показалось мне странным, так что, подождав до девяти, я пошла полить клумбу сама. Дверь в теплицу была совсем чуть-чуть, но приоткрыта, и я решила, что Артур заработался. – Она протяжно всхлинула. – Последние месяцы он всегда работал в ней до обеда.

– Так что же с ним произошло? – не слишком тактично уточнил Герхард.

– Должно быть, сердечный приступ. Артур не щадил себя за работой с тех пор, как... – миссис Пинч вытерла нос платком. – Видите ли, Артур был не таким любителем-садоводом, как мы, он был действительно талантлив! И умен. Ботаника была его призванием. Наверное, он что-то разрабатывал для конкурса в Лондоне, ведь я обнаружила его в теплице с редкими сортами, – шепнула она. – Обычно Артур туда никого не приглашал.

Герхард с новым интересом посмотрел на свою собеседницу. В ней явно бушевала гордость за знание тайнства, но воспитание не позволяло растрепать всем соседям, что она видела в секретной теплице, когда не дождалась приглашения от трупы. Впрочем, тут же рассудил он, какая-нибудь главная сплетница Литтл-Милфорда после чашечки дежурного чая унесет с собой все пикантные подробности свернутых в зачаточное состояние клубней. Тем более что дверь в теплицу сейчас была открыта. Ни коронер, ни полиция не сочли ее местом преступления, и Герхард беспрепятственно прошел внутрь.

От земли пахло мхом, влажностью, паром, пеларгониями и... загадкой. Нос Герхарда нащупал ее в каком-то едком постороннем запахе, как будто в лианах надолго оставили пакет с селитрой.

– Чем это пахнет? – забывшись, пробормотал он себе под нос, подозревая, что запах исходит от влажного пятна на подсыхающем грунте. Рядом валялся треснувший баллон с опрыскивателем.

– Удобрениями, молодой человек. – Незнакомая женщина подтолкнула его своим тугим телом. – Вы думаете, что все эти бегонии и орхидеи растут от доброго слова? Пузырек с утраца, прямо как мой покойный муж проделывал с хересом, будь он неладен.

Герхард поморщился от не слишком изысканного наречия.

– Говорят, Артур Эшпертон был выдающимся садоводом. – С видом знатока он осмотрел блестящие лепестки перед собой. – Уверен, он обходился без удобрений.

– Каким бы садоводом он ни был, юноша, – дама протолкнулась к дальним горшкам, – он не господь бог, чтобы возделывать райские сады без сульфата аммония.

– Вы разбираетесь в химии? – удивился Герхард; сам он про всяческие сульфаты впервые услышал в министерстве, при этом часть из них попадала в категорию запрета.

– В удобрениях? – Дама непонимающе посмотрела на него. – Да в них разбирается каждый садовод! Не верьте, если будут говорить, что в ход идет один только навоз.

– Ничего не трожьте! – Констебль вернулся к ним. – Мы еще раз осмотрим теплицу!

Женщина, которая почти дотянулась до горшков с бегониями, гневно взглянула на него.

– Что вы хотите здесь найти?

– Мадам, полиция разберется. – Констебль попробовал вывести ее за локоть.

– Мы все знаем, что ты пытаешься заполучить бегонии Артура, Мейбл! – нервно крикнула у входа какая-то вытянутая женщина в длинной юбке.

– Вы все не прочь их украсть, Лавиния! – Шея женщины пошла некрасивыми пятнами, и она сцапала горшок.

Герхард оказался зажат между констеблем и двумя женщинами, спор между которыми разгорался.

– Оставьте горшки в покое! – кричал констебль. Грузная дама не выпускала растение из рук.

Герхард попытался выпутаться из склоки, но тут женщина, которую звали Лавинией, видимо, запуталась в своей юбке и упала на констебля. Тот одним плечом завалился на Герхарда, а другим свалил бак с водой, который окатил фонтаном всю теплицу.

– Вот же! – Ругательства констебля потонули в потоке брани некой Мейбл, и Герхард, чертыхаясь, поспешил поскорее покинуть место, которое совершенно не походило на место преступления.

После обеда довольная Аделаида вернулась из сада, где любовно разрыхлила и очистила от сорняков несколько клумб. Герхарда она нашла с полотенцем, наброшенным на плечи поверх костюма.

– Собираешься на плавание? – покровительственно улыбнулась она. – Река находится вниз по склону, но, как я слышала, джентльмены находят заплывы в ней приятными в менее одетом виде.

– Это все... А-а-а, – Герхард махнул рукой, не сумев объясниться.

– Что такого интересного нашлось в саду у несчастного Артура? – Аделаида разве что не напевала. Она водрузила на стол вазу и принялась расправлять небрежный, но тщательно составленный букет.

– Совершенно ничего! – Герхард усердно вытерся. – Да там не справился бы и Пуаро! Не теплица, а Бостонское чаепитие! – подытожил он с гневом. – Только если бы туда действительно пришли индейцы мохоки и вместо сбрасывания чая собрались утащить жалкие горшки! Все разбито, разлито. – Герхард с неудовольствием потер шею. – И вдобавок какие-то вздорные дамы вместе с констеблем решили разлить в теплице Нил. Кому только нужна эта бегония?

– Разбито? – Аделаида оторвалась от подрезания колокольчиков. – Мне показалось, это была тихая смерть.

– Должно быть, Эшпертон, – Герхард отмахнулся, – падая, сломал распылитель. Баллон треснул, и насадка отлетела. Вероятно, дело было так. Он, как обычно, опрыскивал кусты, почувствовал себя плохо... – Герхард театрально покачался на носках, задумчиво приложив палец к носу. – Затем его повело. – Он продемонстрировал и это. – Затем ему окончательно поплохело, он упал лицом вниз, вперед, баллон шмякнулся рядом и разбился от удара о землю. Верно, должно быть, так все и было.

Аделаида молча согласилась и вернулась к колокольчикам.

– Хотя, с другой стороны... – раздалось неспешное, но уверенное предположение, – соседи сказали, что Эшпертон не жаловался на здоровье.

– Гипертония – тихий убийца.

– И он держал в руках секатор!

– Странное дело для садовода.

– Он явно собирался защищаться!

– Герхард, – не выдержала Аделаида, – я понимаю, что тебе временно нечем заняться, но не вмешивай, пожалуйста, почившего почтенного мистера Эшпертона в свое ребяческое желание покрасоваться в роли детектива. Случился, очевидно, сердечный приступ. Мы все тут, знаешь ли, не молодцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.